

Одного человека – как в кино – приговорили к высшей мере наказания за неправильную парковку. В подобных случаях обычно высшей меры не требуется, но в этот раз судья посчитал строгое наказание необходимым, особенно учитывая поддержку масс в этом вопросе. Мест для парковки всегда не хватает, а приятные, радостные – вовсе редки. Человек был, правда, без машины, но все равно – нарушил.

Судья недаром считался чуткой личностью, он в глубине души понимал, что высшая мера в данном случае – это чересчур, но что он мог сделать один? Почти ничего. Но сделал все-таки, добился: тому человеку разрешили совершить еще одно серьезное преступление, такое, чтобы высшая мера не вызывала сомнений у самых ехидных критиков и закоренелых скептиков. Сошлись на изнасиловании.

Человек уже давно ушел с того места, где стоял неправильно и без машины. Настроение у него было неважное, несмотря даже на грядущее приключение с женщиной. Судья дал ему список кандидатов, которые готовы были пострадать за торжество справедливости, "Если только без особых извращений", - сказали они, и судья кивнул, пообещал поговорить с преступником, но кому как не судье было знать, что без извращений у нас почему-то ничего не получается, а уж тем более, коли речь идет о торжестве справедливости. Впрочем, тот человек, без машины, не хотел иметь больше

никаких дел с судьей, даже список женщин прочитал невнимательно. У него был свой список.

"Только жалко их", – подумал человек, просматривая свою смятую бумажку.

С одной он целовался еще в детском саду – кто знает, куда занесло его подругу, какой она стала – внешне, да и не слишком ли реакционны теперь ее политические взгляды. Тогда, в детском саду, она была на голову выше его и отбирала формочки, лопаточки, лейки, – и машинки, конечно, – и доводила нарушившего ныне правила парковки человека до слез, однако изнасилование – это вещь серьезная. "И, в сущности, бессмысленная, – подумал человек. – Временная мера". А ему самому-то грозила постоянная, высшая. Формочки и лейки, не говоря уже о машинах, исчезли в потоке событий и того, что могло произойти, но не произошло.

Была еще одна – сотрудница, начальница, администратор базы данных, – которая так болезненно для человека-нарушителя построила свою работу, что ее правила не нарушить было невозможно. Человек, причем в рабочее время, бывал так зол на нее, что мечтал проявить свои, обычно дремавшие, садистские наклонности: сорвать с нее платочек и гребешок в волосах, оставить в одном строгом рабочем костюме и заставить ее в разных позах исполнять бессмысленные противоречивые указания, да еще каждые пятнадцать минут требовать электронное письмо с обновлением статуса, и чтоб грудь ее – там, под костюмом – ходила бы ходуном от страстей человеческих и неправильно обработанных исходных условий; еще и один носок с нее сорвать. "Но и ее, с носком, жалко, – подумал человек. – И без носка тоже. Пусть черт с ней, но и она ведь размышляет, сопит, стремится. Да и неловко как-то насиловать эту, пусть неприятную, женщину, хотя бы и ради торжества справедливости, при моральной поддержке судьи. У нее ведь и муж есть, дети непослушные, собака, машина..."

Но у него самого машины не было. "Вот что, – думал человек, – вот оно как", – и не только об этом думал, но и о другом, разном, и не мог уснуть. Судья тоже не спал. Он анализировал – но не бесстрастно, не холодно, а с чувством – все ли он сделал для того, хоть и преступника, но современного ему существа, не упустил ли возможность подбодрить человека в непростой ситуации, улыбнуться ему уголками рта – это лишним не бывает. Все же дело необычное. И народу улыбнуться – народ поддерживает.

А той, из детского сада, приснилось давно ушедшее, горшки какие-то в большой светлой комнате. Она открыла глаза – темно, рядом – спящий мужчина, сопит, стремится куда-то; она подумала, мол, вот паразит, разлежся, занял большую часть территории ее жизни, она даже так подумала: "...несчастной жизни".

А человек, преступник, давно уже ушел из неположенного места в другое, тоже неположенное, вот и не уснуть, и его приговорили к наказанию, и он идет дальше, и хоть ту, из детского сада жалко, и судью жалко, и администратора базы данных тоже – ее рабочий костюм, смятый, лежит на полу, и его надо будет погладить перед уходом на работу, и накормить мужа, непослушных детей, собаку, залить в машину бензин, по дороге – покормить еще одного человека, тоже грубого, как и все остальные, но не похожего ни на кого, замечательного, того, о котором никто не знает, и лучше бы и она не знала, но, чтобы понять, что знать его не надо, ей пришлось его узнать, какой еще был выход? – жалко и ее, да, но все-таки того, кто запарковался – даже не запарковался, раз был без машины, а зачем-то занял чужое место, или свое, не заметив, что его, не разобрался, словом, в житейском смысле, и понесет наказание высшей мерой, неясно еще, что за мера такая – того не жальче ли всех... Вдруг – и не жальче, вот в чем дело, и в этом – тоже.

Человек идет по ночному тихому городу. Если бы это действительно было кино, то силуэт человека расплывался бы в тумане, он уменьшался бы под музыку заключительных кадров, уменьшался, пока не превратился бы в точку и не исчез бы совсем, но это – не кино, и он не исчезает.